

УДК 342

М.Н. Воробьева

**ФИКЦИИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ОСОБЕННОСТИ, ЗНАЧЕНИЕ¹**

В статье рассматривается вопрос об особенностях фикций в конституционном праве России. Исследуются правовая природа фикции и ее роль в конституционном праве. Благодаря данному приему конституционные ценности находят свое отражение в конституционных нормах. Автор обосновывает тезис о том, что развитие законодательства не всегда синхронно развитию общественных отношений, что может приводить к пробельности в праве. В целях восполнения пробелов в праве и достижения процессуальной экономии законодатель использует данный прием юридической техники.

Ключевые слова: фикции, конституционные ценности, прием юридической техники, пробел в законодательстве, верховенство права.

Одной из сложных юридических категорий является фикция, имеющая огромное значение для развития права и выступающая в качестве средства юридической техники.

Юридическая фикция – это преднамеренно созданное положение, которое не соответствует реальной действительности и императивно содержится в нормах права с целью вызвать или не допустить определенные последствия. Термин «фикция» (fictio) имеет многовековую традицию, ее применение прослеживается как в науке, так и в законодательстве. В переводе с латинского языка «фикция» означает «выдумка, вымысел». Фикция выражается преимущественно с помощью конструкций «как бы», «как если бы», «допустим», «эквивалентно», «считается» и др.

В юридической науке существуют разные взгляды на понимание термина «юридическая фикция». Н.Ф. Качур под фикцией понимает положение, которое с момента своего образования лишено истинности [1. С. 62]. В.К. Бабаев рассматривает фикцию как технико-юридический прием, которым несуществующее положение (отношение) объявляется существующим и приобретает обязательный характер в силу закрепления ее в правовой норме [2. С. 28]. Г.С. Мэн считал, что к фикциям относят «всякие предположения, которыми прикрывают или стараются прикрыть тот факт, что правило закона подверглось изменению, то есть то, что его буква осталась прежней, а применение изменилось» [3. С. 21]. В.М. Горшенев определяет фикцию, как закрепленное в правовых актах и используемое в юридической практике нормативное предписание в виде специфического способа (приема), выражающегося в

---

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта, организованного РГНФ. Название проекта: «Конституционная аксиология в практике органов конституционной юстиции: российский и зарубежный опыт». № 12-33-01353.

провозглашении существующими факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места [4. С. 115].

Несмотря на многообразие подходов к определению содержания рассматриваемого понятия, неоспоримым является тезис о том, что фикция – это универсальное средство юридической техники, поскольку данный феномен используется на всех этапах развития права, не ограничиваясь какими-либо определенными историческими рамками, а также применяется во всех отраслях права.

К особенностям фикций ученые относят их особое целевое назначение в механизме правового регулирования наиболее значимых общественных отношений, неопровержимость, императивность, формальный характер. Наличие данных признаков подтверждается закреплением фикций в нормативных правовых актах, общеобязательностью, необходимостью их соблюдения. Кроме того, фикция выступает неким инструментом отражения конституционных ценностей в конституционных нормах, в чем и проявляется ее особенность как средства юридической техники. В этой связи фикция выступает еще и в качестве средства (инструмента) формирования конституционной нормы, обладающей высшей юридической силой по отношению к другим нормам права, поскольку на основании конституционных норм осуществляется строительство и развитие отраслевого законодательства Российской Федерации.

Е.С. Аничкиным отмечено, что в нашей стране конституционное законодательство развивается неравномерно и даже противоречиво, часто испытывает в процессе формирования конкуренцию центробежных и центростремительных тенденций, сопровождает периоды усиления и ослабления демократических начал в организации общественно-политической жизни [5. С. 12]. В целях оперативного реагирования на изменения в общественной жизни и установления развития общественных отношений в благоприятном направлении для общества и государства конституционный законодатель неизбежно прибегает к применению различных средств юридической техники, в том числе к фикции.

Поскольку с помощью данного инструмента законодателю вряд ли удастся непосредственно урегулировать отношения, однако создать с ее помощью определенную иллюзорную правовую форму с целью упрощения структуры фактического состава, экономии в правовом регулировании возможно. Благодаря признаку общеобязательности фикции данная иллюзорная правовая форма условно становится в один ранг с истиной, тогда как возможность доказывания обратного исключена в силу ее неопровержимости. Данное положение подтверждается конструкцией ч. 4 и 5 ст. 105 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

Согласно ч. 4 ст. 105 Конституции РФ «федеральный закон считается одобренным Советом Федерации, если за него проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты либо если в течение четырнадцати дней он не был рассмотрен Советом Федерации. В случае отклонения федерального закона Советом Федерации палаты могут создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий, после чего федеральный закон подлежит повторному рассмотрению Государственной Думой».

В соответствии с ч. 5 ст. 105 Конституции РФ «в случае несогласия Государственной Думы с решением Совета Федерации федеральный закон считается принятым, если при повторном голосовании за него проголосовало не менее двух третей от общего числа депутатов Государственной Думы». Данная норма предусматривает право Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации преодолеть неодобрение закона Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, так как законы принимаются согласно ч. 1 ст. 105 Конституции РФ Государственной Думой. В случае неодобрения закона палатой окончательное решение принимается уже не простым, а квалифицированным большинством. Из анализа ч. 4 ст. 105 Конституции РФ следует, что с фактической точки зрения и наличия некой заведомой ложности в содержании, заложенной конституционным законодателем, понятия «считается одобренным» и «одобрен» не совпадают, что служит доказательством наличия фикции. По мнению судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева, по мотивировке постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1995 г. по делу о толковании ч. 4 ст. 105 Конституции РФ понятие «считается одобренным» предполагает две возможные формы рассмотрения Советом Федерации федерального закона – активную, когда за федеральный закон проголосовало более половины от общего числа членов этой палаты, и пассивную, когда в четырнадцатидневный срок закон не был рассмотрен (одобрение закона в конклюдентной форме). Обязательность рассмотрения принятых Государственной Думой федеральных законов по вопросам, перечисленным в ст. 106 Конституции РФ, допускает только активную форму рассмотрения. Поэтому истечение четырнадцатидневного срока в отношении такого закона не освобождает Совет Федерации от обязанности путем голосования принять решение о его одобрении либо отклонении [6].

Стоит отметить, что законодатель использует рассматриваемый инструмент прежде всего в целях недопущения затягивания законодательного процесса, что, в свою очередь, может привести к неурегулированности отношений и оставлению пробелов в праве незаполненными.

Применительно к конституционному праву, как базисной и системообразующей отрасли, фикция имеет свои особенности: иную правовую природу, отличную от природы в других отраслях права, отражение в особых правовых нормах – нормах конституционного права, что обуславливает дальнейшую конкретизацию в иных отраслях права. В процессуальных отраслях они конструируются осознанно, в интересах повышения эффективности юридических средств, экономии времени, тогда как их появление в конституционном праве обусловлено обстоятельствами мировоззренческого, идеологического свойства. Однако не исключается осознанное их использование законодателем по политическим мотивам.

Ю.В. Ким полагает, что конституционно-правовые фикции предстают в качестве особых гносеологических феноменов, детерминируемых иррациональностью политики, а также особенностями человеческого сознания. Эти феномены, получая правовую институционализацию, сообщают заведомую условность, сюрреалистичность институтам (элементам) конституционно-правовой системы [7. С. 8].

С целью более глубокого изучения, анализа и выведения данного понятия на поверхность многие ученые допускали условность при отождествлении неравнозначных понятий. Так, Августин в свое время отмечал, что «время – река, полная событий. Ее течение уносит вперед. Стоит только чему-нибудь появиться, как его уже нет». Лейбниц считал, что время – язык, который позволяет связать друг с другом разные события. В мире без изменений, т.е. без событий, не будет и времени. Х. Файхингер справедливо утверждает о невозможности познания действительности как она есть «на самом деле». Отсюда логичен вывод о признании «времени», «скорости света», «пространства» фикциями.

Аналогично этому одной из распространенных конституционных фикций является нормативное положение о суверенитете народа (нации). На условность народного суверенитета указал Ж.-Ж. Руссо: «Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет. Противно естественному порядку вещей, чтобы большое число управляло, а малое было управляемым. Нельзя себе представить, чтобы народ все свое время проводил в собраниях, занимаясь общественными делами, и легко видеть, что он не мог учредить для этого какие-нибудь комиссии, чтобы и не изменилась и форма управления» [8. С. 200].

Также некоторые ученые, например И.В. Сухина [9. С. 29], в конституционном праве Российской Федерации к правовым фикциям относят принцип равноправия субъектов Российской Федерации (ч. 1, 4 ст. 5 Конституции РФ), декларирование республик в составе Российской Федерации в качестве «государств» (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ), признание всей полноты государственной власти субъектов Российской Федерации вне пределов совместного ведения между ними и Российской Федерацией (ст. 73 Конституции РФ), верховенство нормативного правового акта субъекта Российской Федерации над федеральным законом в случае, если он принят в порядке осуществления собственного правового регулирования (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ), что диссонирует с принципом верховенства Конституции РФ и федеральных законов (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ). Конституционная норма о равноправии субъектов Российской Федерации находит свое развитие в федеральном и региональном законодательстве. К примеру, нормы Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» предусматривают общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Конституционная норма, провозглашающая равноправие субъектов РФ, выделяет их в качестве составной части РФ как федеративного государства, оставляя за собой исключительную принадлежность государственного суверенитета. В состав субъектов РФ входят республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа. Однако законодатель отдельно в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ выделяет республику и рассматривает ее в качестве государства в составе РФ. Почти во всех конституциях республик в составе РФ предусмотрена норма о статусе республики как демократическом, правовом государстве (Конституция Республики Адыгея,

Конституция Республики Башкортостан, Конституция Республики Дагестан, Конституция Республики Ингушетия и др.). Для сравнения: в уставах субъектов представляют собой составную часть РФ, которые равноправны между собой. В соответствии со ст. 1 Устава (Основного закона) Алтайского края Алтайский край является составной частью (субъектом) Российской Федерации. Правовой статус Алтайского края определяется Конституцией РФ и Уставом (Основным законом) Алтайского края [10]. Казалось бы, что, с одной стороны, законодатель говорит о равноправии всех субъектов РФ, но при этом выделяет республику, которую рассматривает в качестве государства. С другой стороны, он не наделяет ее всеми необходимыми признаками, присущими суверенному государству. В целях защиты территориальной целостности государства законодатель, используя такое средство юридической техники, как фикция, обеспечивает реализацию данного принципа. Республика не обладает суверенитетом, тождественным суверенитету государства, так как суверенитет Российской Федерации в силу конституционного закрепления исключает существование двух уровней суверенных властей, находящихся в единой системе государственной власти, которые обладали бы верховенством и независимостью. Логичен вывод об использовании законодателем понятия «республика (государство)» в ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, поскольку это обусловлено историческими и национальными факторами. Как известно, использование составителями Конституции РФ понятия «государство» по отношению к республикам позволило удовлетворить политические амбиции их лидеров и ослабить дезинтеграцию российского федеративного государства.

В Постановлении Конституционного Суда от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Конституционный Суд РФ констатировал, что суверенитет, предполагающий по смыслу ст. 3–5, 67 и 79 Конституции РФ верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус [11].

Стоит отметить, что, с одной стороны, фикции появляются вследствие недостатков доктринального и нормативно-правового обеспечения институтов государственной власти. В этой связи, пожалуй, необходимо согласиться с мнением Ю.В. Кима, утверждавшего, что в силу погрешимости практического и теоретического знания, иллюзии относительно отдельных аспектов государственной действительности фикции в конституционном праве неизбежны. Желательно все же возникновение фикций предупреждать, поскольку в целом они играют негативную роль. Избыточность норм-фикций делает неустойчивым конституционный строй. Во-первых, конституционно-правовая система становится недостаточно эффективной для надежного программирования, воспроизводства, самоидентификации параметров государственности, своевременного обнаружения и устранения отклонений в их

функционировании. Во-вторых, при кажущейся неизменности этих параметров государственный режим может трансформироваться по любому сценарию в зависимости от складывающейся политической конъюнктуры. Это приводит к разбалансировке механизма государства и снижению его устойчивости» [12. С. 62].

Несмотря на отрицательный подход, фикции в праве все же необходимы по следующим причинам.

Каждый из нас на протяжении всей жизни является участником общественных отношений, основанных на идеях и ценностях. Так, применительно к конституционному праву от ценностей, лежащих в основе общественных отношений, зависит устройство внутренней и внешней политики, формирование взаимоотношений между человеком, гражданином и государством, с одной стороны, а также формирование взаимоотношений между его органами государственной власти, органами местного самоуправления – с другой. Безусловно, признание того или иного положения ценностью одними провоцирует на отторжение ее другими и безразличие к ней у третьих. Однако государство, выстраивая свою политику, должно знать это, поскольку социальная жизнь подобна бурной реке, устройство которой невозможно разгадать, положительный и отрицательный вектор направления которой невозможно определить, что может привести к изменению ценностей, их дисбалансу со всеми вытекающими отсюда последствиями: изменению законодательства, хаосу, перераспределению политических сил. Поскольку кардинальная корреляция исторически сложившихся ценностных установок не допускается, необходимы сохранение и защита ценностей по всему спектру общественных отношений. Поэтому в целях защиты ценностей в конституционном праве законодатель использует фикцию в качестве средства (инструмента) юридической техники.

К тому же фикция выступает в качестве средства отражения конституционных ценностей в конституционных нормах, поскольку сложно представить правовое государство, в конституции которого отсутствуют нормы о правах человека как высшей ценности, равенстве, суверенитете, верховенстве закона и др. С помощью фикции как универсального технико-юридического средства разработка и реализация норм права, идеи правового, социального, федеративного государства отражаются в отдельных конституционных нормах. В свою очередь, «конституционная норма, вплетаемая в ткань основополагающего конституционного принципа правового государства, порождает систему норм права, которые регулируют на основе определенных ценностей (свобода, справедливость, равноправие) взаимосвязанные общественные отношения, возникающие в процессе взаимодействия личности и государства» [13. С. 207].

Значимость фикции проявляется еще и в том, что она выступает в качестве одного из способов эффективного заполнения пробелов в законодательстве, которые размыкают логические связи в правопорядке, тогда как с помощью фикции осуществляется его восстановление. Благодаря фикции упрощается структура фактического состава, происходит экономия в правовом регулировании общественных отношений.

Таким образом, наличие предпосылок, анализ особенностей, а также знание фикций свидетельствуют о невозможности их искоренения в конституционном праве современной России.

Литература

1. Качур Н.Ф. Презумпции в советском семейном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. 216 с.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький, 1974. 124 с.
3. Мэн Г.С. Древнее право. Его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям. СПб., 1873. 320 с.
4. Горшениев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3.
5. Аничкин Е.С. Современные задачи развития отечественного конституционного законодательства // Личность – общество – государство: конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России: материалы межрегионального научно-практического семинара (Барнаул, 9 декабря 2010 г.) / под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011.
6. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 1-П по делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 27.03.1995. № 13. Ст. 1207.
7. Ким Ю.В. О фикциях в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13.
8. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. 710 с.
9. Сухина И.В. Презумпции в конституционном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 172 с.
10. Устав (Основной закон) Алтайского края от 5 июня 1995 № 3-ЗС (принят АКЗС 26.05.1995), ред. от 06.06.2012 // Алтайская правда. 20.10.1999. № 235.
11. Постановление Конституционного суда от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 19.06.2000. № 25. Ст. 2728.
12. Ким Ю.В. Конституционная модель «Разделение властей» в Российской Федерации: фикции и реалии // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2.
13. Невинская Е.В. Конституция РФ о взаимоотношениях личности и государства. // Личность – общество – государство: конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России: материалы межрегионального научно-практического семинара (Барнаул, 9 декабря 2010 г.) / под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011.